Литрес ≡ Классика

Гюстав Флобер

ИРОДИАДА

Гюстав Флобер

Иродиада

«ЛитРес»

1877

Флобер Г.

Иродиада / Г. Флобер — «ЛитРес», 1877

В древней Иудее при дворе тетрарха Ирода Антипы кипят политические и религиозные страсти. Его жена Иродиада, оскорблённая обличениями пророка Иоканаана, задумывает месть. Сплетая интриги и используя свою дочь Саломею, она стремится заставить Ирода расправиться с проповедником. Повесть воссоздаёт атмосферу эпохи, где сталкиваются власть, вера и личные амбиции.

© Флобер Г., 1877
© ЛитРес, 1877

Содержание

I 6
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Гюстав Флобер
Иродиада

Серия «Литрес Классика»

© «Литрес», 2026

I

Махэрусская[1] цитадель возвышалась – на восток от Мертвого моря – на базальтовой скале, имевшей вид конуса. Четыре глубоких долины ее окружали: две с боков, одна впереди, четвертая сзади. Куча домов теснилась у ее подошвы, охваченная круглым каменным валом, который то вздымался, то ниспадал, следуя неровностям почвы; извилистая дорога, высеченная в скале, соединяла город с крепостью. Стены той крепости, вышиною в сто двадцать локтей, изобиловали уступами, углами, бойницами; башни высились там и сям, составляя как бы звенья каменного венца, воздвигнутого над бездной.

Внутри цитадели находился дворец, украшенный портиками, с плоской крышей в виде террасы. Перила из смоковичного дерева замыкали ее со всех сторон; длинные мачты, на которые натягивался велариум[2], стояли вокруг, над перилами.

[1] *Махэрусская цитадель.* – Находилась на юге Палестины, к востоку от Мертвого моря.

[2] *Велариум* – тент.

Однажды, до восхода солнца, тетрарх Ирод Антипа[3] появился на вершине дворца – и, облокотясь о перила, принялся глядеть.

Прямо перед ним лежавшие горы начинали показывать свои гребни, между тем как вся их масса, до самого дна ущелий, пребывала еще в тени. Туманы бродили… Они вдруг разорвались – и ясно выступили очертания Мертвого моря. Заря уже зажигалась позади Махэруса; уже начинали разливаться ее красноватые отражения. Понемногу осветила она прибрежные пески, холмы, пустыню; а там, дальше к небосклону, зарумянились и Иудейские горы с своими серыми, шероховатыми покатостями. Посередине – Энгадди протянулось черною чертою; Эврон в углублении закруглился куполом, Эсколь показал свои гранатовые рощи, Сорэк – свои виноградники, Газер – поля, усеянные кунгутом; кубышкообразная громадная Антониева башня[4] тяжело повисла над Иерусалимом. Тетрарх отвел от нее свои взоры и стал созерцать иерихонские пальмы; вспомнил он тут остальные города своей Галилеи: Капернаум, Аэндор, Назарет – и Тивериаду[5], куда он, может быть, никогда не возвратится. Иордан струился перед ним по безжизненной пустыне. Внезапно вся побелевшая, она слепила глаза, подобно снеговой скатерти. Мертвое море становилось похожим на большой лазоревый камень – и на северной его оконечности, со стороны Иемена, Антипа открыл именно то, что он боялся найти: разбросанные палатки темно-бурого цвета виднелись там; люди, с копьями в руках, двигались промеж лошадей, а потухавшие огоньки блистали искрами, низко – на самом уровне земли.

То было войско аравийского царя, с дочерью которого Антипа развелся для того, чтобы взять за себя Иродиаду[6], жену одного из своих братьев. Брат этот жил в Италии, без всякого притязания на власть.

Антипа ожидал помощи от римлян; и так как Вителлий[7], сирийский правитель, медлил прибытием, беспокойство терзало тетрарха. «Агриппа[8], – думал он, – наверное, повредил мне у императора». Филипп, третий его брат, владелец Ватанеи, тайно вооружился. Иудеев возмущали идолопоклоннические обычаи тетрарха; других его подданных тяготило его правление. Вот он и колебался между двумя решениями: либо смягчить аравитян, либо заключить союз с парфянами; и, под предлогом именинного празднества, он в тот самый день пригласил на великий пир главных начальников своих войск, приставов по имениям и важнейших лиц Галилеи.

Остро напряженным взором пробежал он все дороги. Они были пусты. Орлы летали над его головою. Вдоль крепостного вала солдаты спали, прислонившись к стене. Во дворце ничего не шевелилось.

---

[3] *…тетрарх Ирод Антипа…* – На рубеже нашей эры Палестиной управляли зависимые от Рима цари. Поскольку они получали власть лишь над четвертой частью страны, их называли «тетрархами» («четыровластниками»). Ирод Антипа был сыном Ирода Великого, посаженного римлянами на престол в 37 г. до н. э. Выходцы из племени идумеян, Ирод и его потомки были ненавистны иудеям, Ирод Великий усилил эту ненависть покорностью римлянам, расправами с иудейской знатью и насаждением греческих и римских нравов. Против Ирода Великого часто устраивались заговоры; за участие в них Ирод казнил трех из своих четырнадцати сыновей. После смерти Ирод оставил по завещанию власть над Галилеей и Переей (области Палестины) своему седьмому сыну, Антипе; римляне утвердили это завещание.

[4] *Антонщева башня* – форт в Иерусалиме, построенный Иродом Великим и названный им в честь триумвира Марка Антония.

[5] *Тивериада.* – Была основана Иродом Антипой на берегу Генисаретского озера и названа в честь императора Тиверия (Тиберия).

[6] *Иродиада* – дочь Аристовула, казненного сына Ирода Великого. Была замужем за своим дядей Иродом Филиппом, от которого имела дочь Саломею, но покинула мужа, чтобы стать женой Антипы. Этот непристойный, с точки зрения иудеев, брак вызвал резкое недовольство в народе. Глашатаем этого недовольства был, по Евангелиям, Иоанн Креститель.

[7] *Вителлий* Луций – проконсул провинции Сирия, которому подчинена была Иудея. Так как после удачных переговоров с парфянами Вителлий не успел доложить об этом Тиберию и Антипа опередил его в этом, Вителлий возненавидел тетрарха и не спешил оказать ему помощь в войне с арабами **(Иосиф Флавий)**.

[8] *Агриппа* – родной брат Иродиады. Он был воспитан в Риме и дружен с племянником императора Гаем (Каием) Калигулой. Впоследствии, уже будучи императором, Калигула по доносу Агриппы, обвинявшего Антипу в тайном хранении несметных запасов оружия, лишил тетрарха власти, сослал его вместе с Иродиадой в Галлию, а на его место поставил Агриппу.

Внезапно отдаленный голос, как бы выходивший из недр земли, заставил побледнеть тетрарха. Он нагнулся, чтобы вернее прислушаться. Но голос умолк. Потом он опять раздался… и, хлопнув несколько раз в ладоши, Ирод закричал: «Маннаи! Маннаи!»

Появился человек, обнаженный до пояса, подобно банщику. Он был очень высокого роста, стар, страшно худ; на ляжке у него висел большой нож в бронзовых ножнах – и так как его волосы, захваченные гребнем, были все вздеты кверху, то лоб его казался длины необычайной. Странная сонливость заволакивала его бесцветные глаза. Но зубы его блестели – и ноги легко и твердо ступали по плитам. Гибкость обезьяны сказывалась во всем его теле, бесстрастная неподвижность мумии – на лице.

– Где он? – спросил тетрарх.

– Все там же! – отвечал Маннаи, указывая позади себя большим пальцем правой руки.

– Мне почудился его голос! – и Антипа, вздохнув глубоко до дна груди, осведомился об Иоаканаме – о том человеке, которого латиняне называют святым Иоанном Крестителем.

– Приходили ли вновь те два человека, которые месяц тому назад были, по снисхождению, допущены в его тюрьму, и стала ли известна причина их посещения?

Маннаи отвечал:

– Они обменялись с ним таинственными словами, ни дать ни взять ночные воры на перекрестках дорог. Потом они отправились в верхнюю Галилею, объявив, что скоро вернутся с великою вестью.

Антипа наклонил голову; потом, с выражением ужаса на лице:

– Береги его! береги! – воскликнул он. – И никого не допускай до него! Запри крепко дверь! Прикрой яму! Никто не должен даже подозревать, что он еще жив!

Еще не получив этих приказаний, Маннаи уже исполнял их, ибо Иоаканам был иудей, и Маннаи, как все самаритяне[9], ненавидел иудеев.

Гаризимский их храм, храм самаритян, предназначенный Моисеем быть средоточием Израиля, не существовал со времен короля Гиркана[10]: а потому иерусалимский храм наполнял душу Маннаи тою яростью оскорбления, которую возбуждает торжествующая несправедливость. Маннаи однажды тайно взобрался в иерусалимский храм с другими товарищами для того, чтобы осквернить алтарь возложением на священное место мертвых костей. Его спасло проворство ног; сообщникам его отрубили головы.

И вот он увидел ненавистный храм вдали, в разрезе двух холмов. Поднявшееся солнце ярко освещало беломраморные стены и золотые плиты крыши. Храм являлся лучезарной горой, чем-то сверхъестественным; все кругом было подавлено его великолепием, его гордыней.

Маннаи протянул руку в направлении Сиона – и, выпрямив стан, сжав кулаки, закинув лицо, произнес анафему. Он был уверен, что клятвенные слова имеют действительную силу!

Антипа равнодушно выслушал его возглас. Самаритянин продолжал:

– От времени до времени он волнуется, он хочет бежать; он надеется на освобождение. Иногда у него вид спокойный, как у большого зверя; а не то он вдруг начнет ходить взад и вперед впотьмах, беспрестанно повторяя: «Что нужды! Дабы он возвеличился, нужно мне умалиться!»

Антипа и Маннаи обменялись взорами. Но долгие размышления уже утомили тетрарха.

Все эти горы вокруг него, подобные уступам больших окаменелых волн, черные расселины на склоне крутых скатов, громадность синего неба, сильный дневной свет, глубина про-

---

[9] *Самаритяне* – смешанное племя, распространившееся в Палестине во времена Вавилонского пленения евреев. Вернувшиеся из плена евреи отвергли единоверцев-самаритян, и между племенами воцарилась вражда.

[10] *Гиркан* – последний царь-первосвященник из рода Маккавеев, сбросивших за полтора века перед тем иго сирийских царей из греческой династии Селевкидов. Гиркан разрушил храм на горе *Гаризим* близ Самарии, соперничавший с Иерусалимским храмом.

пастей – все его смущало; и безнадежное уныние овладевало им при зрелище пустыни, почва которой, искаженная допотопными переворотами, являла вид обрушенных цирков и дворцов. Горячий ветер приносил вместе с запахом серы как бы испарения богом проклятых городов, зарытых глубоко, ниже берегов Мертвого моря, под тяжелыми его водами. Эти следы бессмертного гнева пугали ум тетрарха; и он пребывал недвижим, опершись обоими локтями на перила и сжимая виски руками. Кто-то слегка тронул его. Он обернулся: перед ним стояла Иродиада.

Легкий пурпурный хитон облекал ее всю до самых сандалий. Торопливо покинув свои покои, она не успела надеть ни ожерелья, ни серег; густая косьма черных волос падала ей на плечо, прильнув концом к груди, в промежутке сосцов. Вздернутые ноздри трепетали; радость торжества озаряла лицо. Громким голосом взывая к тетрарху:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.